

ГРАФЪ А. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

Тѣнь Пушкина тебя усыновила
И на главу твою сложила свой вѣнецъ.

* * *

Помнится мнѣ, на одномъ изъ вечеровъ уже давно скончавшагося гостепріимнаго хозяина Н. А. Ратынскаго, появился молодой еще человекъ, молчаливый и словно нѣсколько застѣнчивый, съ свѣтлою улыбкою и тихимъ, ласковымъ взоромъ. Онъ выдѣлялся своею привѣтливостію и согрѣвающею простотою. Его просили прочесть только что появившееся стихотвореніе „Разсвѣтъ“. Онъ долго не соглашался, но наконецъ уступилъ. Прочелъ его торопливо и небрежно, какъ бы скрывая его красоту и не придавая ему значенія. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получилось сильное и глубокое. Чѣмъ-то свѣжимъ, давно не испытаннымъ повѣяло отъ чтенія. Этотъ молодой человекъ былъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Съ этого памятнаго вечера началось мое знакомство съ нимъ. Послѣ долгаго перерыва я сталъ бывать у него, когда онъ проживалъ на Адмиралтейской набережной и служилъ въ Министерствѣ Финансовъ. Къ нему собирались тогда многіе выдающіеся люди, нынѣ уже почившіе; между ними А. Н. Майковъ, любовавшійся имъ съ какимъ-то отгѣнкомъ умиленія. Это было въ началѣ 1895 года. Бесѣды невольно склонялись тогда къ переживаемому времени и чаще всего къ только что пережитому великому историческому событію 20 Октября 1894 года.

Собранія у гр. Кутузова продолжались и въ теченіе зимы слѣдующаго года; въ нихъ стали принимать участіе и новыя лица. За-

канчивались они обыкновенно радушно предлагаемымъ ужиномъ, за которымъ замѣтно сказывалось старое русское гостепріимство, съ отѣнкомъ нѣкотораго деревенскаго хлѣбосольства, напоминавшаго давній, столь знакомый и для многихъ родной еще бытъ. Ужины отличались своеобразнымъ изяществомъ и оживленіемъ. На этихъ привлекательныхъ вечерахъ у гр. Кутузова возникла мысль, позднѣе осуществленная, объ учрежденіи Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Имп. Александра III.

Вотъ что написалъ мнѣ по этому поводу гр. Арсеній Аркадьевичъ:

„Сердечное вамъ спасибо за сочувственный отзывъ о нашей вечерней бесѣдѣ въ прошедшую субботу. Онъ укрѣпилъ мое рѣшеніе посвятить остатокъ моихъ силъ на дѣло пробужденія русскаго самосознанія въ средѣ нашей молодежи и (насколько это возможно) также и въ средѣ нашего, такъ называемаго, образованнаго общества. Дѣло мнѣ представляется до странности простымъ и яснымъ: борьба идетъ совсѣмъ не между *сторонниками свободы*, съ одной стороны, и *представителями власти*, съ другой, а между всеразлагающимъ *космополитизмомъ и русскимъ народно-историческимъ самосознаніемъ*. Вотъ истинные непримиримые противники, и это надо выяснитъ во что бы то ни стало, чтобы окончательно разсѣять туманъ и обманъ, напущенные космополитами-западниками на молодые и неустановившіеся умы русскіихъ людей всѣхъ званій и состояній. Нужно доказать не посредствомъ діалектической полемики, а *научно, на основаніи твердыхъ историческихъ фактовъ, какъ двизжды два четыре*, что космополитизмъ обманно и притворно поднимаетъ соблазнительное для толпы знамя свободы, призрачностію которой обличается всей современной Европой, и что, напротивъ, торжество и воплощеніе русской государственной идеи самодержавія, какъ это блистательно доказало царствованіе Александра III, только и обезпечиваетъ какъ всему народу въ его совокупности, такъ и каждой отдѣльной личности наибольшую долю свободы, спокойствія и благосостоянія, какая возможна на землѣ.

„Изученіе и распространеніе точныхъ свѣдѣній и здравыхъ воззрѣній на прошедшее царствованіе въ связи со всею предшествующею исторіею Россіи—вотъ, по моему мнѣнію, самый вѣрный и сильный способъ борьбы съ воинствующимъ космополитизмомъ, и этому-то дѣлу должна была бы быть посвящена дѣятельность общества, объ учрежденіи котораго я помышляю. Если бы Богъ благословилъ это дѣло.

оно явилось бы поистинѣ достойнымъ „нерукотворнымъ памятникомъ“ Великому Царю, котораго мы сподобились видѣть, который озарилъ весь міръ своею праведною личностью и который завѣщаль Россіи свой руководящій немерцающій образъ въ вѣчное назиданіе. Покойный Царь работалъ тихо, молча, смиренно, съ глубокою вѣрою въ Бога и Россію, и *побѣдилъ весь міръ*, простиравшійся ницъ передъ его прахомъ. Но прахъ есть достояніе земли, а бессмертный духъ—достояніе вѣчности. Въ Петропавловскомъ соборѣ стало одною русскою святынею больше, а въ русскомъ самосознаніи должно быть однимъ великимъ заблужденіемъ меньше. Заблужденіе это называется *впрою въ европейскую цивилизацію*, т. е. въ ту цивилизацію, которая погубила Европу и чуть-чуть не погубила Россію, спасенную Александромъ Третьимъ. Прежде всего, стало быть, надо всё показать и доказать всю неизмѣримую вышину Его царственнаго подвига и неразрывную Его связь со всёмъ развитіемъ историческихъ судебъ русскаго народа, и для этого люди, вѣрующіе въ Россію, должны сплотиться, создать общество и находить, побивать и преслѣдовать противниковъ единственнымъ достойнымъ такого святого дѣла—оружіемъ мысли и слова.

„Я не сомнѣваюсь ни одной минуты въ томъ, что неиспорченныя чистыя сердца русской молодежи откликнутся на такой призывъ. и только на такой призывъ. Ни физическое насиліе, ни хитрая и ядовитая полемика не пробудятъ въ нихъ сочувствія.

„Вамъ всецѣло преданный *Гр. А. Кутузовъ*.

„5 марта 95 г.“

Къ этому времени относится и другое письмо.

5 Апрѣля 1895 г.; Адмиралт. наб., 14.

„Вы правы, сто разъ правы, усиленно настаивая на той мысли, что общество Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія *всю свою силу и все свое значеніе* должно почерпать исключительно въ правдѣ своего дѣла и въ нравственномъ воздѣйствіи этой правды на сердца и умы людей, чуждомъ всякаго, не говоря уже матеріальнаго,—но и мысленнаго насилія. Въ понятіи о „просвѣщеніи“ не можетъ и не должно заключаться, даже въ скрытомъ видѣ, понятіе о гордомъ и себялюбивомъ учительствѣ, къ которому такъ склонны наши лжеохранители.

„Всякій истинный свѣтъ *самъ по себѣ свѣтится и тьма его не объятъ*? Таковымъ самосвѣтящимъ, немерцающимъ свѣтомъ для Россіи

и даже для всего человѣчества былъ Александръ III. Общество должно отразить въ своей дѣятельности этотъ свѣтъ,—и тѣма всѣхъ тѣхъ „отчужденностей“, о которыхъ Вы пишете, его не обыметъ...”

Тогда-же онъ писалъ мнѣ:

„Ваше письмо я прочелъ съ величайшимъ наслажденіемъ и Вашу историческій взглядъ раздѣляю вполне. Россія—цѣлый самостоятельный міръ, во всемъ себѣ довлѣющій, который стоять долженъ неколебимо на рубежѣ Запада и Востока, а не склоняться туда или сюда, смотря по обстоятельствамъ... Внутренній смыслъ Россіи заключенъ въ ея Православіи“...

5 Феврали 96.

Съ тѣхъ поръ наши сношенія не прекращались, и вечера Кутузова уже въ новомъ его помѣщеніи (въ виду перемѣны службы) всегда носили все тотъ же изящный отпечатокъ и давали неизмѣнное художественное наслажденіе. Самъ хозяинъ особенно оживлялся на этихъ вечерахъ, а гости выносили свѣтлое и радужное настроеніе, нерѣдко поддерживаемое музыкою и пѣніемъ. Но Петербургъ не помогаетъ развитію подобныхъ вечеровъ, а „злоба дня“ всегда столь тяготившая хозяина, не могла не способствовать ихъ постепенному замиранію; къ тому же и здоровье его уже пошатнулось и стало сильно удручать.

Кончина А. Н. Майкова, къ которому графъ Кутузовъ былъ очень привязанъ, была для него личнымъ большимъ горемъ. Я думаю, что участіе поэта въ дѣлѣ зарожденія Общества „Ревнителѣй“ служило ему значительною поддержкою.

28 Января 1896 г. гр. Кутузовъ писалъ мнѣ:

„При семъ посылаю два оттиска „Майскаго дня“ и рукопись моего стараго стихотворенія, переданную вамъ С. М. Э. Стихотвореніе это въ исправленномъ и дополненномъ видѣ было напечатано и вошло въ сборникъ, такъ что не знаю, представляетъ ли рукопись какой-нибудь интересъ? Вообще мнѣ всегда ужасно какъ-то стыдно и совѣстно дѣлается, когда моимъ писаніямъ придаютъ значеніе. Я такъ ясно чувствую ничтожество моихъ литературныхъ работъ, которымъ не могу, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, предаться вполне, что

всякое проявленіе вниманія къ этимъ работамъ меня болѣе смущаетъ, нежели радуетъ.

„Вообще я искренно завидую тѣмъ, которые

Вдалекѣ отъ всѣхъ житейскихъ золь,
Какъ родъ людей первоначальный,

предаются излюбленному дѣлу и посвящаютъ ему всѣ силы и все свое время. Но для этого надо обладать большою силою воли и олимпійскимъ спокойствіемъ, которое позволяло бы смотрѣть свысока и равнодушно на все, что творится вокругъ,—на такъ называемую „злобу дня“.

„Такъ, говорятъ, Гете писалъ свою спокойнѣйшую идиллію „Германъ и Доротея“ въ то время, какъ на улицахъ шла пальба и разгрывалась революція. Но, очевидно, я на такое спокойствіе совершенно не способенъ, ибо не только пальба и революція, но даже У и Z мнѣ спать не даютъ, и я волнуюсь и горячусь, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ отъ нихъ зависитъ моя участь!“

Въ 1902 году гр. А. А. Кутузовъ прислалъ мнѣ при письмѣ автографъ своего прекраснаго, истинно пророческаго, стихотворенія, оставившаго сильное впечатлѣніе. Оно написано имъ года за три до такъ называемаго „освободительнаго движенія“.

1-е января 1902-го года.

Чѣмъ громче праздный пиръ шумитъ вокругъ меня,
Чѣмъ ярче наглый блескъ огней его пылаетъ,
Тѣмъ безпросвѣтнѣе въ груди тоска моя,
Тѣмъ безутѣшнѣе душа впотѣмахъ рыдаетъ!
Мнѣ чудится—бѣда великая близка;
Но поступи ея никто еще не слышитъ,
Межъ тѣмъ какъ на стѣнѣ уже судьбы рука:
„Мани, факель, фаресь“ неумолимо пишетъ.
Еще не грянулъ громъ надъ пьяною толпой,
Еще не прерванъ гамъ пирующаго хора,
А въ откровеніи зловѣщемъ предо мной
Весь ужась видится суда и приговора.
И крикнуть хочется: очнитесь, казнь идетъ.
Но вопль въ устахъ моихъ бессильно замираетъ—
И громче все толпа ликуетъ и поетъ,
И ярче все вокругъ безумный пиръ пылаетъ.

Гр. Кутузовъ весьма сочувствовалъ создаваемому московскимъ дворянствомъ институту для дѣвицъ дворянокъ, осуществленному при мощной поддержкѣ Имп. Александра III. На одномъ изъ предваритель-

ныхъ засѣданій, предшествовавшихъ выработкѣ устава новаго учрежденія, присутствовалъ и графъ Кутузовъ. Засѣданіе затянулось и стало утомительнымъ. Передъ нимъ случайно лежали бумага и карандашъ. Когда всѣ разошлись, я нашелъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Кутузовъ, написанное имъ четверостишіе...

Онъ глубоко любилъ Москву, гдѣ воспитывался и подолгу жилъ. Пасхальная заутреня въ Кремлѣ, дивный звонъ колокольный его восхищали. Подолгу жилъ онъ и въ деревнѣ, въ своемъ Корчевскомъ имѣніи, Шубинѣ, гдѣ предводительствовалъ. Его всегда тянуло въ ту сторону, а новыя условія дружбы, среди цифирныхъ упражненій и торжества техники, при рѣзкихъ звукахъ трамваевъ и автомобилей, его тяготили и раздражали.

Состояніе здоровья вынуждало графа Кутузова искать отдохновенія и исцѣленія сначала въ Крыму, а потомъ за границей, и онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ въ Италію, которую изучалъ съ большою любовью. Особенно восхищался онъ небольшими сѣверными итальянскими городами, въ родѣ Ривы, и другими прибрежными озера Гарда. Любилъ онъ и скалистые мрачные берега озера Лоппио, съ преданіями о Данте, въ которыхъ находилъ большую прелесть. Особенно онъ увлекался древними мастерами живописи эпохи до-Рафаэля и собиралъ картины, позднѣе украсившія стѣны его Петербургскаго кабинета. Блестящія страницы его повѣсти „Даль зоветъ“ отражаютъ его увлеченіе памятниками искусства старой итальянской школы христіанскаго художества (*les primitifs*).

Въ одно изъ такихъ путешествій я засталъ его на проѣздѣ въ Берлинѣ, въ любимой имъ гостиницѣ Савой (*Savoy*), гдѣ и посѣтилъ его, жившаго тогда уединенно, въ верхнемъ этажѣ, въ небольшой комнатѣ, гдѣ ему особенно удобно было заниматься и готовить къ печати свою повѣсть „Даль зоветъ“. Повидимому, полное уединеніе ему было необходимо для творчества. „Служеніе музъ не терпитъ суеты“...

Въ другой разъ случилось посѣтить уже знакомый мнѣ городъ Верону, въ которомъ особенно сильно сохранился отпечатокъ временъ минувшихъ. Случайно шелъ я по узкой своеобразной улицѣ М., гдѣ ходятъ одни пѣшеходы. Улица тѣсная, а вдоль нея съ двухъ сторонъ тянутся лавки. Вижу—идетъ на встрѣчу челоуѣкъ и какъ будто знакомый. Неувѣренно всматриваюсь и вижу, что и онъ удивленно изгля-

нулъ на меня и вдругъ поднялъ руки! Я узналъ графа Кутузова, и мы радостно привѣтствовали другъ друга. Со мною была тогда А. Д. Евреинова. Познакомившись съ нею, графъ Кутузовъ неожиданно предложилъ намъ прогуляться по Веронѣ и быть нашимъ сісегопе. Онъ повелъ насъ прежде всего въ Колизей, гдѣ снялъ съ насъ моментальную фотографію. Меня поразило его оживленіе и даже неутомимость. Мы прошли почти всѣмъ городомъ и были на могилѣ Джулиеты, заброшенной визитными карточками. Онъ былъ совершенно неузнаваемъ и, видимо, весь проникся художественными впечатлѣніями. Въ заключеніе онъ предложилъ намъ пообѣдать въ укромномъ ресторанѣ, съ громкимъ названіемъ Hotel Dante,—здѣсь былъ особенно радостенъ и благодушенъ. Говорилъ онъ тогда о желаніи своемъ посѣтить Мантую и расхвалилъ вообще второстепенные сѣверные итальянскіе города, куда и совѣтовалъ ѣхать. На меня встрѣча эта произвела большое впечатлѣніе, къ тому же радостное, въ виду казавшагося замѣтнаго улучшения въ его здоровьѣ.

Но, увы! это было только временнымъ подъемомъ, скоро уступившимъ усиленію тяжкаго недуга, точившаго его силы.

Года проходили и мы продолжали переключаться отъ времени до времени. 27 Февраля 1902 г. онъ писалъ мнѣ:

„Письма Пушкина къ князю Вяземскому—предестъ! Сколько ума, желчи и жизненной бодрости! Послѣднему свойству Пушкина я всегда завидовалъ. Истинно художественное творчество возможно только при условіи любви къ жизни, при вѣрѣ въ торжество добрыхъ началъ. Когда эта любовь, эта вѣра потеряны,—остается только молчать. Не правда ли? Всецѣло преданный

А. Кутузовъ.“

27 февраля 1902.

Вообще въ натурѣ его было много возвышеннаго и художественнаго, хотя и сложнаго. Съ извѣстною его мягкостью чувствъ, при тонкой воспримчивости, онъ иногда увлекался людьми и дарилъ ихъ своимъ горячимъ сочувствіемъ; но часто также и разочаровывался въ нихъ, что всегда болѣзненно отражалось на немъ. Это свойство особенно одаренныхъ людей, испытавшихъ многое въ жизни и невольно отдающихся общенію съ людьми, отраженіе которыхъ воспринимается въ ихъ сокровенномъ сознаніи и чувствѣ. Подобно ощущенію цвѣтка, сжимающагося при всякомъ неосторожномъ прикосновеніи, онъ могъ переходить отъ свѣтлыхъ и сильныхъ порывовъ къ гнетущей тоскѣ,

при всегдашнемъ исканіи идеала, всегда убѣгающаго въ туманную даль. Такихъ людей нельзя мѣрять общемою мѣркою; недостатки его преувеличивались невольно. Подвижность выраженія его была необычайна. Тѣни быстро проходили по лицу, смѣняясь то кроткою, почти дѣтскою, улыбкою, то выраженіемъ горькаго раздумья и сосредоченной скорби.

Случилось мнѣ однажды быть свидѣтелемъ, какъ графъ Кутузовъ читалъ у княгини А. А. Оболенской свою повѣсть „Даль зоветъ“. Въ ней были чудныя страницы, дивныя картины, написанныя превосходнымъ русскимъ языкомъ. Всѣ ими восхищались, но общее впечатлѣніе всего произведенія на меня было двойственно и развязка не могла всѣхъ удовлетворить. Это недоумѣніе не скрылось отъ автора, и онъ мнѣ вскорѣ послѣ того сказалъ: „Васъ неудовлетворила моя повѣсть, но вѣдь это только начало“. Дальнѣйшее развитіе разсказа предположено имъ было подъ заглавіемъ: „Жизнь зоветъ“, а въ заключеніе должно было слѣдовать „Богъ зоветъ“, — „и тогда“ — говорилъ онъ — „вы примиритесь съ началомъ“. Онъ допускалъ вполне различіе мнѣній спорныхъ и даже оживлялся ими. Иногда, дѣйствительно, можно было недоумѣвать надъ нѣкоторыми его положеніями. Древній міръ сильно привлекалъ его, а начала, обновившія міръ, онъ почиталъ отчасти повредившими искусству. Съ этимъ трудно было согласиться; но рядомъ въ разсказѣ его были чудныя мѣста, какъ, на примѣръ, взгляды его на Колизей, на Капитолій и Форумъ и др... то были яркія, дивныя страницы, красоты необычайной, пластической и безусловно воодушевительной силы. Но „Жизнь зоветъ“ такъ и осталась, къ сожалѣнію, незаконченною. Смерть захватила его въ пылу новыхъ начинаній.

Читалъ онъ и прозу необыкновенно быстро, глотая слова и довольно небрежно, что напоминало мнѣ его раннее чтеніе „Разсвѣта“ у Ратынскихъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; онъ сильно постарѣлъ и какъ-то даже нахмурился. Выраженіе было уже другое, утомленное, даже угнетенное, или, быть можетъ, мнѣ оно такъ показалось подъ какимъ-нибудь обманчивымъ впечатлѣніемъ. Въ характерѣ поэта были такія неровности и разночувствія, быть можетъ, основанныя на ложныхъ и неточныхъ представленіяхъ, свойственныхъ присущей въ немъ временами подозрительности; но это настроеніе скоро проходило и снова яркое солнце и звѣздное небо отражались въ его болѣзненно чуткой душѣ. Тогда возвращалась выразительная улыбка и свѣтлый, слегка загадочный, взглядъ. Не даромъ же въ комнатѣ его висѣло изо-

браженіе „Джіоконды“ и черты эти не то смущали, не то властно притягивали....

Въ уютномъ кабинетѣ его на Фонтанкѣ, гдѣ стояла гипсовая модель памятника Пушкина *), подаренная ему Опекушинымъ,—продолжали собираться и бесѣдовать о текущихъ явленіяхъ и событіяхъ. Посѣщаль его тогда и Н. А. Звѣревъ, которому онъ особенно сочувствовалъ.

Здѣсь же въ этомъ кабинетѣ приглашалъ я его на открытіе памятника Карамзину въ Остафьевѣ. Кутузовъ воспрянулъ и общалъ непремѣнно пріѣхать, въ чемъ я, однако, сомнѣвался, зная его болѣзненное состояніе и трудность для него переезда. Но, къ радости моей, я обманулся, и онъ, дѣйствительно, прибылъ въ Остафьево ко дню открытія памятника. Опять и въ этотъ день онъ былъ необычайно оживленъ, какимъ я давно не видѣлъ его. Это состояніе усилилось, когда я выразилъ ему надежду на прибытіе его въ другой разъ къ открытію памятника Пушкину. Среди многочисленныхъ гостей вижу его возбужденнаго и радостнаго во время службы, засѣданія и за столомъ, особенно же во время прогулки къ березовой аллеѣ, любимой Пушкинымъ и друзьями его. Здѣсь мы любовались просторомъ полей и заливныхъ луговъ „извилистой Десны“ съ окрестными деревнями. Гр. Кутузовъ сѣлъ на скамейку, еще сохранившуюся на завѣтной березовой аллеѣ, и замолкъ. Когда я, наконецъ, предложилъ ему вернуться къ дому, онъ сказалъ: „Подождете, здѣсь такъ хорошо“... Дорогія для меня и незабвенныя минуты!..

Послѣ отъезда своего онъ написалъ мнѣ письмо, живо отражающее его впечатлѣнія,

19 Іюля 1911 г., Москва.

„Передъ тѣмъ, чтобы вернуться въ Санктпетербургъ, въ эту нравственную трущобу, представляющую изъ себя разсадникъ, питомникъ и хранилище всѣхъ ядовитыхъ цвѣтовъ и растеній, и гнилыхъ плодовъ нашей отечественной современности, я испытываю неодолимую потребность еще разъ выразить графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и Вамъ мою глубокую, сердечную признательность за тѣ нѣсколько часовъ высокой духовной радости и полнаго нравственнаго удовлетворенія, которые я пережилъ вчера подъ благословеннымъ кровомъ

*) Это изображеніе Пушкина онъ считалъ наилучшимъ.

Остафьева, и за тѣ дорогія для меня знаки добраго вниманія и сочувствія, которыми Вы меня удостоили. Во все время пребыванія моего въ Остафьевѣ чужлось мнѣ, будто славныя тѣни великихъ людей, нѣкогда тамъ жившихъ, вдохновлявшихся и творившихъ свои безсмертныя созданія, витали надъ нами и невидимо участвовали въ устроенномъ Вами торжествѣ. То былъ, поистинѣ, духовный пиръ и до конца моихъ дней я сохраняю о немъ самое свѣтлое, признательное воспоминаніе.

„Не знаю, удастся ли мнѣ, какъ хотѣлъ бы, воспѣть этотъ пиръ стихами, хоть нѣсколько достойными тѣхъ именъ и образовъ, которые онъ воскрешалъ въ сердцахъ и мысляхъ всѣхъ его участниковъ? Подъ старость струны души ослабѣваютъ и блекнетъ вдохновеніе. Быть можетъ, однако, сила и прелесть испытанныхъ мною впечатлѣній оживятъ мою дряхлѣющую музу, и она нашепчетъ мнѣ слова искренней, задушевной пѣсни...

Кутузовъ“.

Здоровье гр. Кутузова все ухудшалось и настало то время, когда онъ рѣшился испытать полное уединеніе, вдали отъ большого центра, и для того поселился въ глухомъ поселкѣ, въ колоніи, близъ Московской заставы, въ Царскомъ Селѣ. За нею тянулся рядъ старосвѣтскихъ домиковъ совершенно давняго пошиба, вѣявшаго двадцатыми годами XIX вѣка. Изъ этого уединенія онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо, очевидно, подъ вліяніемъ недавно пережитыхъ тяжелыхъ годовъ съ ихъ послѣдствіями.

Царское Село, Колоніи, 26.

26 Сентября 1911 г.

„Простите меня, Христа ради, глубокоуважаемый и дорогой гр. С. Д., что такъ долго молчалъ. Тому было двѣ причины: прослышавъ о вашемъ нездоровьѣ и о томъ, что Вамъ врачами предписанъ былъ полный покой, я долго опасался утруждать Васъ чтеніемъ моего письма и просилъ только Павла Сергѣевича сообщить мнѣ свѣдѣнія о васъ, а затѣмъ я самъ захворалъ—тяжко и мучительно—какими то острыми болями въ рукахъ и ногахъ, соединенными съ полнымъ бездѣйствіемъ желудка и такимъ угнетеннымъ состояніемъ головы, что потерялъ способность не только что-либо дѣлать, но даже думать! Хотя за послѣднюю недѣлю мнѣ, какъ будто, нѣсколько лучше, но о выздоровленіи пока нѣтъ и рѣчи: руки и ноги болятъ, ничего не ѣмъ, кромѣ насильно вливаемыхъ въ меня какихъ-то питательныхъ жидкостей. Исхудалъ до чрезвычайности, и—что всего неутѣшитель-

нѣе—доктора рѣшительно не понимаютъ причины всѣхъ этихъ явленій (или не хотятъ мнѣ ее объявить). Во всякомъ случаѣ. я не надѣюсь на скорое поправленіе.

„Конечно, событія послѣдняго времени, все, что творится и происходитъ кругомъ, не могутъ содѣйствовать возстановленію ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ силъ. Вполнѣ понимаю и ваше настроеніе, отразившееся въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ ко мнѣ. На Россію со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя тучи. просвѣта нигдѣ не видно: повидимому. приближается буря... Выдержать ли ея напоръ потрясенное... зданіе „Государства Россійскаго“, созданное тысячелѣтними подвигами и трудами преданныхъ поруганію и забвенію предковъ?—Про то вѣдаетъ одинъ Господь! Но каково намъ, выросшимъ въ преданіяхъ и завѣтахъ родной земли, и помнящихъ ея мощь и славу, быть бессильными свидѣтелями ея разрушенія! Всю тяжесть и ужасъ такого горя нельзя выразить словами. Они могутъ только молча пониматься и раздѣляться тѣми, кто ихъ ощущаетъ въ себѣ самомъ.

„Я вамъ писалъ о моемъ желаніи написать стихотворное воспоминаніе о счастливомъ днѣ, проведенномъ мною въ Остафьевѣ. Я написалъ начало, но болѣзнь мѣшала до сихъ поръ его окончить. Надѣюсь, однако, исполнить это завѣтное желаніе и вамъ прислать на судъ то, что мнѣ удастся написать. Надѣюсь и на доброе позволеніе ваше побывать еще разъ въ Остафьевѣ на открытіи памятника Жуковскаго, конечно, если доживу до тѣхъ поръ. Будьте добры, не лишайте меня вѣстей о васъ и вѣрьте въ глубокую и неизмѣнную преданность мою къ вамъ.

А. Кутузовъ“.

Въ глухую осень мнѣ удалось посѣтить его въ его захолустѣ. Онъ казался бодрѣе обыкновеннаго и довольнымъ. Комнаты были уютно прибраны, кое-гдѣ появилась знакомая мебель, и на простыхъ стѣнахъ—разныя изображенія. виды, и на почетномъ мѣстѣ та же „Джі-оконда“. Этотъ пріютъ ему былъ, видимо, по сердцу, но это продолжалось недолго: злой недугъ все болѣе терзалъ его.

Я сталъ вновь звать его въ Остафьево на предстоящее открытіе памятниковъ Жуковскому и Пушкину. Мысль эта ему полюбилась и воодушевляла его. Особенно оживляла его надежда прибыть къ открытію памятника Пушкина, и онъ представилъ для снимка свою статую поэта, изображенную Опекушинымъ. Еще 10-го Августа 1912 года онъ писалъ:

10 Августа 1912 г.

„Вотъ въ какомъ, приблизительно, видѣ мнѣ представляется памятникъ Пушкину въ изображеніи Опекушина... Думаю, что барельефъ было бы желательно помѣстить на *лицевой* сторонѣ подножія. Это совсѣмъ не помѣшало бы надписямъ: сверху— „*Пушкину*“, а снизу— „*Онъ между нами жилъ*“, и годъ. Подножіе должно быть, по крайней мѣрѣ, на одну треть выше статуи. Мнѣ кажется, что оно можетъ быть сложено изъ кирпича и только облицовано какимъ-нибудь темнымъ камнемъ, а то и просто оштукатурено и покрашено въ темный кирпичевый цвѣтъ. Подъ темной бронзой идетъ только что-нибудь *совсѣмъ блое* или *темное же*. Средніе цвѣта не годятся. Хорошо было бы углы закруглить въ столбики. На боковыхъ стѣнкахъ можно помѣстить надписи:

„*Я былъ рожденъ для жизни мирной*“ и т. д.

и „*Здравствуй племя младое, незнакомое*“, а на задней сторонѣ весьма умѣстно было бы, по моему мнѣнію, начертать:

„Сей памятникъ сооруженъ и освященъ въ селѣ Остафьевѣ въ 1913 году“.

„Площадка вокругъ подножія должна въ поперечникѣ быть въ *три* раза шире памятника. Можно бы ее замостить мелко дробленнымъ камнемъ всю или только дорожку кругомъ; остальное же пространство пусть было бы покрыто травой, а площадку оградить грубо обтесанными камнями съ висящими между ними простыми желѣзными цѣпями. Вотъ и все. Вокругъ Пушкина все должно быть просто, непритязательно и строго. Одно его изображеніе (если оно хорошо) вполне достаточно, чтобы произвести на всякаго проходящаго сильное и глубокое впечатлѣніе.

„Вамъ душевно преданный.

Арсеній Кутузовъ“.

Вскорѣ для меня стало ясно, что не бывать ему въ Остафьевѣ, не бывать тамъ, куда стремилась его душа: съ каждымъ днемъ силы его гасли, и онъ страшно исхудалъ. Рѣдко выходилъ онъ изъ своего завѣтнаго уголка съ дорогой ему обстановкой и все же не замеръ онъ

совсѣмъ для вѣшняго міра, съ его свѣтлыми проблесками и мрачными бурями; они доходили до него издалека,

Какъ дальній гулъ Господней непогоды
Иль тихій звонъ святыхъ колоколовъ...

Равнодушія онъ не зналъ, чутко прислушиваясь къ преходящимъ явленіямъ, нерѣдко ему по духу чуждымъ. Мысль его непрестанно стремилась въ звѣздныя вершины и никогда „память смертная“ не покидала его. У него была необыкновенная сила и глубина прозрѣнія: она не давала ему довольствоваться однимъ „земнымъ“ и отходящимъ въ землю. Она неотразимо стремилась къ горнымъ высямъ, озареннымъ солнцемъ правды, добра и красоты! Имъ остался онъ вѣренъ до конца. Когда-то думалъ онъ о сфинксѣ жизни и говорилъ:

И вѣрю я, — въ тотъ мигъ, когда во тьмѣ суровой
Я вспыхну передъ тьмъ, чтобъ сплунуть въ вѣчномъ снѣ, —
Уста раскроетъ Сфинксъ — и роковое слово
Онъ въ душу броситъ мнѣ.

.....

Что повѣдалъ ему сфинксъ — намъ невѣдомо, но мы знаемъ, что до послѣдняго вздоха онъ сохранилъ полное сознаніе духа сокрушеннаго, сердца чистаго и здраваго ума. Онъ и почилъ народною смертью простаго русскаго православнаго человѣка, Божественныхъ Тайнъ причастный... То было 28 Января 1913 года.

Миръ его душѣ и память вѣчная!

Г. С. Ш.

